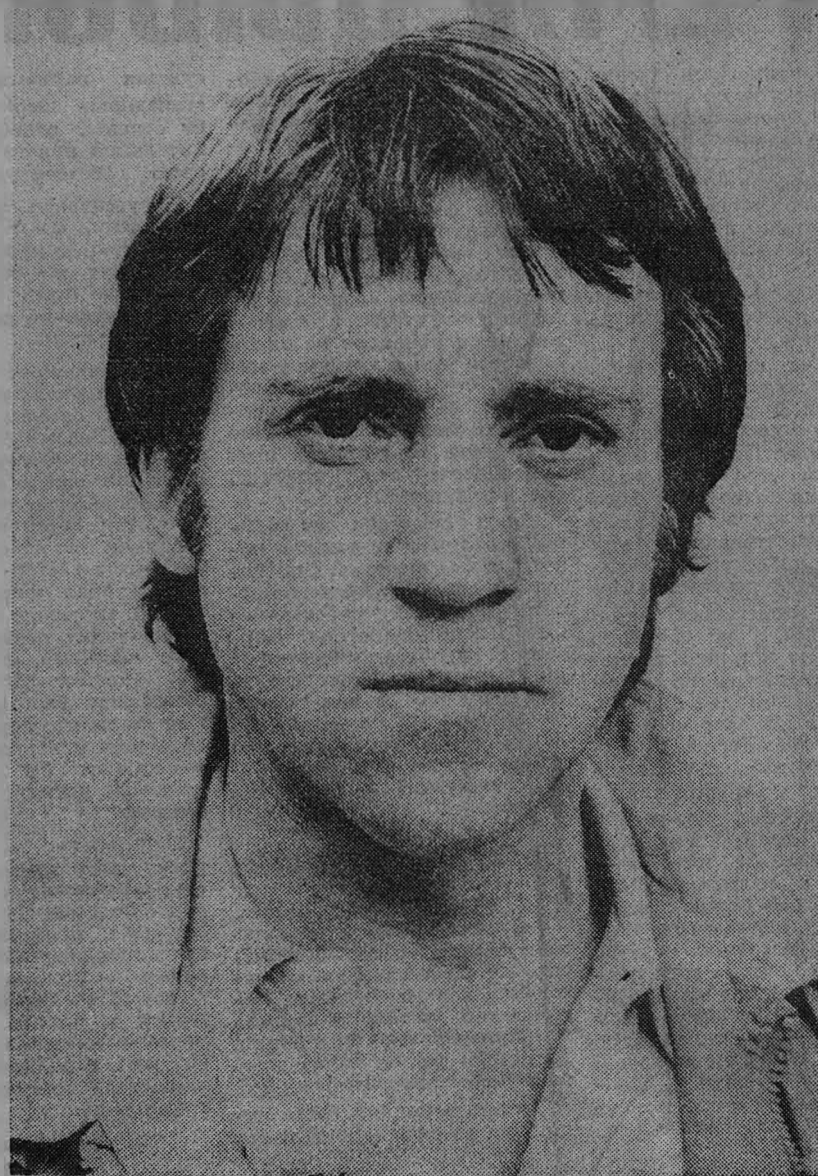

Сапогами не вытоптать душу

Я к вам пишу

Спасибо вам, мои корреспонденты —
Все те, кому ответить я не смог,
Рабочие, узбеки и студенты —
Все, кто писал мне письма, — дай вам Бог!

Дай Бог вам жизни две,
И друга одного,
И света в голове,
И доброго всего.

Найдя стократно вытертые ленты,
Вы хрип мой разбирали по слогам.
Так дай же Бог, мои корреспонденты,
И сил в руках, да и удачи вам.

Вот пишут — голос мой не одинаков:
То хриплый, то надрывный, то глухой,
И просит население барачков:
«Володя, ты не пой за упокой!»

Но что поделает, если я не звонок,
Звонят другие — я хриплю слова.
Обилие некачественных пленок
Вредит мне даже больше, чем молва.

Вот спрашивают: «Попадали ли в плен ты?»

Нет, не бывал — не воевал ни дня!
Спасибо вам, мои корреспонденты,
Что вы неверно поняли меня.

Друзья мои, — жаль, что не боевые, —

От моря, от станка и от сохи,
Спасибо вам за присланные — злые
И даже неудачные стихи.

Вот я читаю: «Вышел ты из моды.
Сгинь, сатана, изыди, хриплый бес.
Как глупо, что не месяцы, а годы
Тебя превозносили до небес!»

Еще письмо: «Вы умерли от водки!»
Да, правда, умер, — но потом воскрес.
«А каковы доходы ваши все-таки?»
За песню трешник — вы же просто крети!»

За письма высочайшего пошиба:
Идите, мол, на Темзу и на Нил,
Спасибо, люди добрые, спасибо, —
Что не жалели ночи и чернил.

Но только я уже бывал на Темзе,
Собакою на Сене восседал.
Я не грублю, но отвечаю тем же, —
А писем до конца не дочитал.

И ваши похвалы и комплименты,
Авансы мне — не отфутболю я:
От ваших строк, мои корреспонденты,
Прямет путь и сохнет колей.

Сержанты, моряки, интеллигенты, —
Простите, что не каждому ответ:
Я вам пишу, мои корреспонденты,
Ночами песни — вот уж десять лет!

Черногорцы

Водой наполненные горсти
Ко рту спешили поднести —
Впрок пили воду черногорцы
И жили впрок — до тридцати.

А умирать почетно было —
От пуль и матовых клинков,
И уносить с собой в могилу
Двух-трех врагов, двух-трех врагов.

Пока курок в ружье не стерся,
Стрелял и с сёдел, и с колен,
И в плен не брали черногорца —
Он просто не сдавался в плен!

А им прожить хотелось до ста,
До жизни жадным, — век с лихвой
В краю, где гор и неба водосталь,
И моря тоже — с головой!

Шесть сотен тысяч равных порций
Воды живой в одной горсти...
Но проживали черногорцы
Свой долгий век — до тридцати.

И жёны их водой помянут,
И прячут их детей в горах
До той поры, пока не станут
Держать оружие в руках.

Беззвучно надевали траур,
И заливали очаги,
И молча лили слезы в траву,
Чтоб не слышали враги.

Чернели женщины от горя,
Как плодородные поля, —
За ними вслед чернели горы,
Себя огнем испепеля.

То было истинное мщенье —
Бессмысленно себя не жгут!
Людей и гор самосожженье —
Как несогласие и бунт!

И пять веков — как Божьи кары,
Как жести сына за отца,
Пылали горные пожары
И черногорские сердца.

Цари менялись, царедворцы,
Но смерть в бою всегда в чести...
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати.

...Мне одного рожденья мало —
Расту бы мне из двух корней!
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей!

Песня о земле

Кто сказал: «Всё сгорело дотла,
Больше в Землю не бросите семян...»
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время.

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки, как раны, зияют.
Обнаженные нервы Земли
Незаметное страдание знают.

Она вынесет всё, переждет.
Не записывая Землю в калек!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?

Нет, звенит она, стоны глуша,
Из всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля — это наша душа.
Сапогами не вытоптать душу.

Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время.

Его любили все — шахтеры и альпинисты, рафинированные интеллигенты и моряки, космонавты, уголовники и милиционеры, и даже те, кто запрещал, не веря сам в свои запреты. Вся ткань нашей той жизни была прошита его голосом, как шершавой суровой ниткой, очень надежной и очень прочной.

И все, все вплеталось в эту нить. Мы — смешные и романтические, честные, мужественные и влюбленные, жалкие в своем мещанстве и великие, когда — над пропастью, над краем. За что мы полюбили его с первой песни, с первой затертой, кустарной, хрипящей магнитной пленки? За то, что он нас узнал и был узнан нами: наш, свой. Он открыл нам в нас меру нашей Чести и нашей Справедливости, ту меру, которая жила в московских, ростовских, смоленских и прочих дворах, в каждой квартире и в каждой душе, когда она — наедине сама с собой, когда ложь невозможна. И он пел нам нашу правду. Или это была его правда, которая стала нашей? Кто теперь это определит? Да и надо ли, если с ним мы прошли по такой войне, которую никогда не забудем, потому что она понятна и велика для всех, куда уж проще — «если Родина в опасности, значит — всем идти на фронт».

Уже тогда мы ни в грош не ставили лозунги и плакаты, мы не верили официальным запевалам и соловьям. Мы безошибочно знали — они чужды и продажны. К несчастью, не ошиблись. Ну а Володя был свободен. Тогда он был свободен так, как и не снилось никому теперь.

Ну представим на мгновение: Высоцкий в президиуме Союза писателей. Или тома его книг на полках магазинов — повязанные, посаженные за решетки-обложки песни... Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда.

Что же нам делать с его свободой теперь? Что делать нам с нашей потерянной правдой?

Петь! Помнить! Когда его комбата втоптали в уличную грязь, когда не всходит солнце на востоке, когда кружит над нами воронье — петь, срываясь на хрип, на стон, петь, «что нужнее сейчас ненависть!».

МОСКВА, 24 июля. (ИТАР-ТАСС). Сразу две выставки, посвященные Владимиру Высоцкому — антеру, поэту, гражданину, открываются сегодня, накануне 15-летия со дня смерти Владимира Высоцкого, в Москве. Их организовал Государственный культурный центр-музей Высоцкого.

Одна экспозиция развернута в Международной галерее на Малой Грузинской, 28. Здесь можно увидеть редкие фотографии, факсимильно воспроизведенные рукописи, театральные костюмы, фото-портреты Высоцкого и его друзей. Другая выставка развернута в доме-музее Высоцкого, по адресу Нижне-Таганский тупик, 3. Она представляет фотографии антера, сделанные на съемочной площадке и театральной сцене, фрагменты декораций к спектаклям, в которых он был занят. На выставке демонстрируются видеозаписи выступлений антера.